

SALMAN
❖ RUSHDIE ❖
SHAME

САЛМАН
РУШДИ
СТЫД

РОМАН

Перевод с английского
ИГОРЯ БАГРОВА

издательство
АСТ

УДК 821.111(410)-31

ББК 84(4Вел)-44

P92

First published by *Jonathan Cape Ltd*, Great Britain, and *Alfred A. Knopf*, the USA, in 1983

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Рушди, Салман

P92 Стыд / Салман Рушди; пер. с англ. И. Багрова. — Москва: АСТ: CORPUS,
2013. — 384 с.

ISBN 978-5-17-078004-4 (ООО «Издательство АСТ»)

Роман “Стыд” — своеобразный пролог к знаменитым “Шайтанским айатам”, книге, из-за которой Салман Рушди долгие годы жил под угрозой смерти и вынужден был скрываться. В “Стыде” есть и мифологическое осмысление реальности, и отсылка к событиям новейшей истории. Воображение писателя неумно и необузданно, в нем бурлят эпохи, события, судьбы, люди, звери, боги, монстры. Эта книга — эпическая фантазмагория, где сосуществуют сказка, черная комедия, и высокая трагедия.

УДК 821.111(410)-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-078004-4 (ООО “Издательство АСТ”)

- © Salman Rushdie, 1983
- All Rights Reserved
- © И. Багров, перевод на русский язык, 1989
- © А. Бондаренко, оформление, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

I

НА ВОЛЮ ИЗ РОДНЫХ КРАЕВ

1. *Лифт к затворницам*

13

2. *Башиачная гирлянда*

32

3. *Тает лед*

56

II

Дуэлянты

4. *По другую сторону экрана*

75

5. *Фальшивое чудо*

93

6. *Дело чести*

119

III
СТЫД, БЛАГОВЕСТОЧКА И ДЕВА

7. *Сгорая со стыда*
151

8. *Красавица и Чудовище*
193

IV
ВЕК ПЯТНАДЦАТЫЙ

9. *Александр Великий*
235

10. *Женщина под чадрой*
263

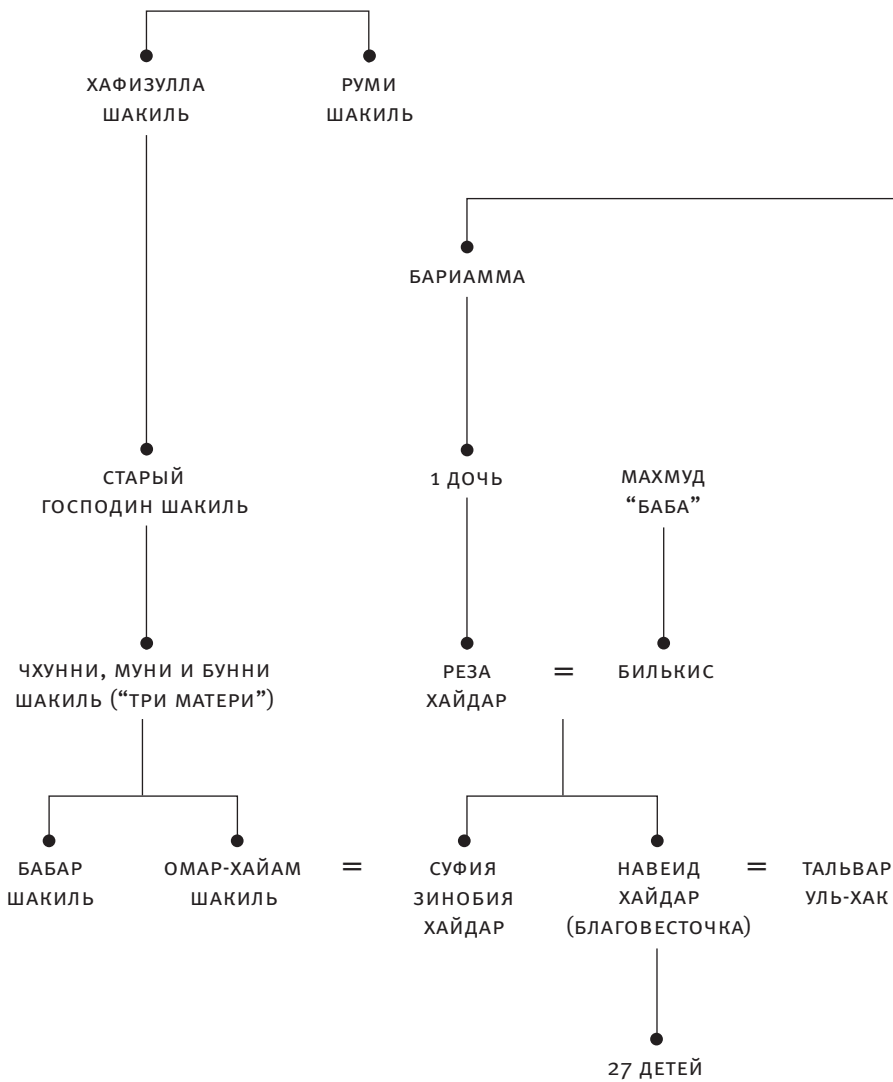
11. *Монолог висельника*
294

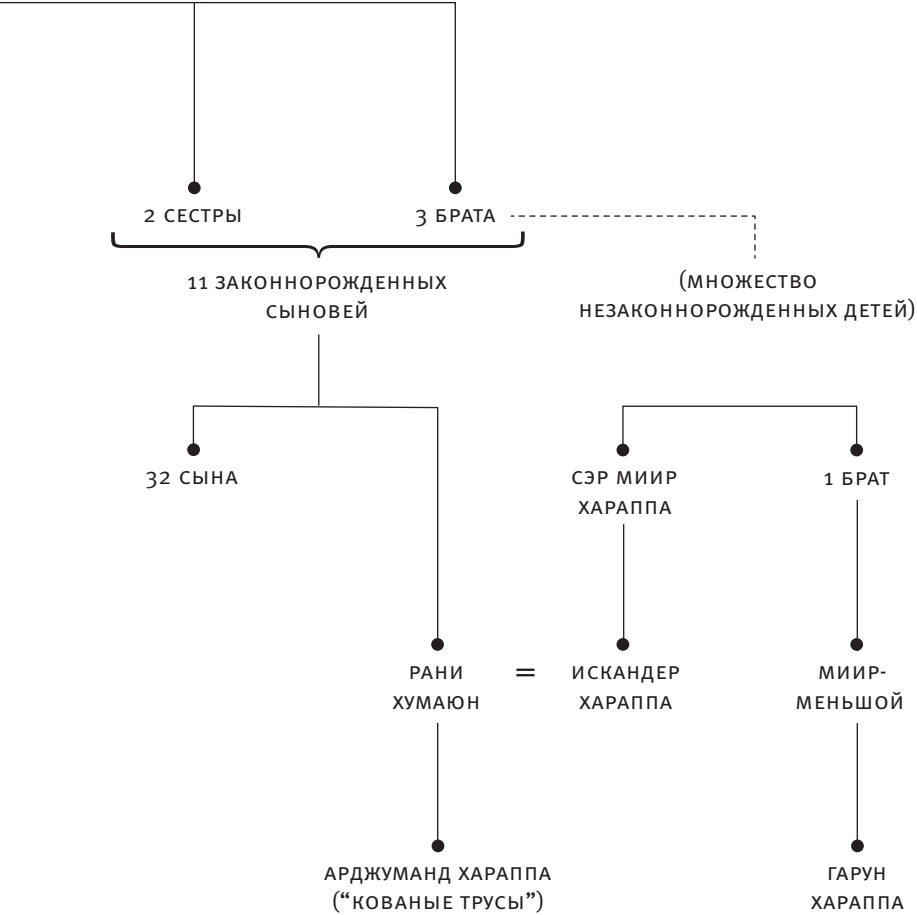
12. *Твердым курсом*
320

V
СУДНЫЙ ДЕНЬ
352

Посвящается Самину

I

НА ВОЛЮ
ИЗ РОДНЫХ
КРАЕВ

Лифт к затворницам

В далеком пограничном городке К., очертания которого с высоты напоминают разве что кривобокую гантель, жили некогда три сестры, лица их были исполнены красоты, а души — любви. Звали их... впрочем, настоящими именами пользовались не чаще, чем заветным фарфоровым сервизом, навечно сокрытым и забытым в каком-то буфете после печальных событий в семье. И сервиз из тысячи предметов, сработанный еще в царской России на гарднеровских заводах, превратился едва ли не в легенду — полноте, да был ли сервиз-то?! Однако пора незамедлительно вернуться к трем сестрам: они носили фамилию Шакиль, а звали их (по старшинству) Чхунни, Муни и Бунни.

И вот однажды у них умер отец.

Престарелый господин Шакиль — вдовец с восемнадцатилетним стажем — по стародавней привычке называл родной город “чертовой дырой”. В предсмертном бредовом, многословном, хотя и малопонятном монологе домашняя прислуга, путаясь в лабиринтах хозяйского красноречия, разобрала лишь похабщину, брань да проклятия, столь неистовые, что, казалось, у постели взвихрился малень-

кий смерч. Давно отошедший от мирской суеты старик в последнем слове исторгал копившуюся всю жизнь злобу на родной город. То он призывал силы ада обратить в прах низенькие поносного цвета домишки, невпопад лепившиеся к базару; то обращал уже подернутые смертным ледком проклятия на чистые и опрятные особняки военного городка. Собственно, эти два района и составляли округлые разновеликие бока “гантели”. В старом городе жил местный люд, неимущий и угнетенный; в новом — пришлые угнетатели, ангрезы, то бишь британские сахибы. Господин Шакиль люто ненавидел и тех, и других. Долгие годы провел он, добровольно заточившись в своем огромном доме, почти все окна которого выходили в сумрачный — колодцем — двор. Стоял дом на пустыре, равно отдаленный как от района торгового, так и от военного. Со смертного одра господину Шакилю через едва ли не единственное глядевшее на белый свет окно была видна громада гостиницы, словно мираж, выросшей в военном городке. В ее холлах блестели золотые урны, сновали ручные обезьянки в униформе с медными пуговичками, в залах с лепными потолками по вечерам играл настоящий оркестр, в буйной зелени диковинных растений благоухали чайные розы и белые цветы магнолии, тянулись вверх изумрудно-зеленые пальмы. И хотя ее золоченый купол давным-давно дал трещину, он все же до рези в глазах отливал закатным великолепием дней минувших. Под его сенью ежевечерне собирались лощеные офицеры-ангрезы, штатские в белых манишках и галстуках, жадноглазые дамы, увешанные ожерельями и колье. Они приходили потанцевать в блестящем, как им мнилось, обществе, хотя блестели лишь их белые, точнее, бледные лица, да и то от пота, так как их нежная, умащенная морскими туманами кожа страдала от пагубного влияния палящего солнца и красного

бургундского — только безумцу может прийти в голову распивать вино в полуденном пекле и с очаровательной беспечностью издеваться над собственной печенью. Старик прислушался к музыке, тешившей проклятых колонизаторов в нарядной гостинице — не иначе, и их последний час настает, — и зычным голосом проклял зыбкую, миражем манившую гостиничную суету.

— Закрой окно! — крикнул он старухе служанке Хашмат-биби. — Не хватало еще под эту какофонию умирать.

Ставни плотно сомкнулись, старик успокоился, собрал остатки сил и изменил течение своего предсмертно-бредового монолога.

— Скорей! Скорей сюда! — принялась созывать его дочерей служанка. — Ваш отец, никак, сам в ад напрашивается!

Это господин Шакиль, закончив костерить белый свет, обратил всю ярость на себя самого, требуя собственной душе вечное проклятье.

— Ох, не туда, не туда его понесло! — сокрушалась Хашмат-биби. — Что ж на него нашло?

Растить дочерей вдовцу помогали кормилицы (из огнепоклонников), малолетние няни-айи (из христиан) и мораль (преимущественно мусульманская), что крепче булатной стали. Впрочем, Чхунни говаривала, что отцовский характер еще больше закалился под палящим солнцем. Всю жизнь он не выпускал дочерей за порог необъятного дома-лабиринта, отказал им в образовании, заточив в женской половине особняка. Девушки развлекались тем, что болтали на самодельных языках, непонятных чужому уху, да строили самые невероятные предположения о том, как выглядит голый мужчина. В раннем девичестве их неумное воображение рисовало мужские половые органы в виде ямочек на груди — этакие уютные гнездышки, куда поместились бы девичьи соски, поскольку, как впослед-

ствии поочередно вспоминали сестры, по их тогдашнему разумению, “зачатие происходило посредством грудей”. Отбывая свой неопределенно долгий срок заключения, узницы пришли к полному и нерушиму единению мыслей и чувств. Вечерами сестры сидели подле резного решетчатого окна, откуда виднелся золотой гостиничный купол, и, зачарованно раскачиваясь в такт, прислушивались к музыке. А еще ходили слухи, что послеобеденный отдых сестры проводили во взаимных ласках. А по ночам они будто бы не гнушались и черной магией, дабы побыстрее спровадить отца на тот свет. Впрочем, чего только не болтают злые языки, особенно о красивых молодых женщинах, недоступных плотоядному мужскому взору. Достоверно лишь одно: именно в те годы, задолго до столь возмутительного появления на свет ребенка, вся троица, тосковавшая о детях со всей силой неискушенного девичества, заключила негласный договор — никогда не разлучаться, навсегда сохранить взаимную привязанность, даже когда появятся дети. То есть грядущих сыновей они постановили воспитывать вместе, втроем. Совсем уж грязные сплетники утверждают (хотя и бездоказательно), что договор этот был написан и подписан кровью юных затворниц, причем кровью ежемесячных женских тягот. Потом бумагу якобы предали огню, а содержание навечно сохранилось в самых сокровенных уголках тройственной памяти.

В ближайшие двадцать лет сестрам суждено вырастить лишь одного ребенка. И нарекут его Омар-Хайамом.

Происходило все это в четырнадцатом веке мусульманского, разумеется, летосчисления. Не сложилось бы у вас впечатления, что рассказ мой о далеком-далеком прошлом. Время, увы, не столь однородно, как, скажем, молоко; и в краю, о ко-

тором идет речь, до самой недавней поры царило прямо-таки средневековое — как-никак четырнадцатый век.

Хашмат-биби предупредила сестер, что отец вот-вот распрощается с жизнью, те облачились в лучшие наряды и отправились к умирающему. Старик хрипел и задыхался в железных тисках совести: он мрачно требовал, чтобы Всевышний определил ему место вечных страданий на самых что ни на есть задворках ада. Потом он смолк, и Чхунни, старшая из дочерей, не замедлила задать единственно важный для всей троицы вопрос:

— А правда, отец, что мы теперь заживем богато?

— Продажные твари! — бросил им на прощанье страдалец. — Ни шиша вы не получите!

Полноводная река благополучия, в которой, если верить молве, семейство Шакиль выудило не одну золотую рыбку, оказалась на поверку давно пересохшим ручьем. Выяснилось это наутро после смерти старого сквернослова. Не один десяток лет удавалось господину Шакилю скрывать свою деловую несостоятельность; тому способствовали и личина солидного отца семейства, и вздорный характер, и несказанная гордыня (самое вредоносное наследство дочерям). Одним словом, перед сестрами раскинулась выжженная пустыня банкротства, и все дни, отведенные обычаем для скорби и траура, они провели, рассчитываясь с отцовскими кредиторами, кои не смели докучать ему при жизни, зато теперь требовали незамедлительной выплаты всех долгов, да еще с процентами! И горделивые узницы, почуявшие ветерок свободы, лишь презрительно скривились: ишь, стервятники, кружат над остатками пущенных на ветер богатств, норовят поживиться! Сызмальства девушек приучили: некоторые вопросы — в том чис-

ле и денежные — с посторонними не обсуждают. Поэтому без долгих разговоров, не глядя, они подписывали счета направо и налево, и богатейшие земли отца (едва ли не все плодородные поля и сады в округе, где условия для земледелия далеко не самые благоприятные) обрели новых многочисленных хозяев. А сестрам остался лишь огромный безалаберный дом с несметным количеством утвари, заполнившей комнаты, да несколько слуг — призраков прошлых дней. Они отказались покинуть дом, но отнюдь не из одной только преданности. Их жизнь тоже прошла в заточении, и нежданная свобода страшила пуще смерти. Оказавшись в бедственном положении, сестры повели себя в лучших аристократических традициях — решили устроить званый вечер.

Много лет спустя сестры вновь и вновь делились воспоминаниями о том скандально-незабываемом вечере, и лица их озарялись простодушными, веселыми улыбками: может, им казалось, что молодость не обошла их стороной?

— Пригласительные билеты я заказывала в гарнизоне, — заводила Чхунни Шакиль, устраиваясь подле сестер на старом деревянном диване. Довольно хохотнув над былым приключением, продолжала: — Ах, что это были за билеты! С золотым тиснением, картон плотный — не согнуть! Каждый — точно плевок в лицо судьбы!

— И в лицо покойного папочки! — подхватывала Муни. — Он бы закричал: “Совсем стыд потеряли! Распустились вконец! Родного отца в грош не ставят!”

— Немудрено! — вставляла Бунни. — Нам от него ни гроша и не перепало!

Поначалу сестры думали, что угрызения совести, посетившие отца в последние минуты, связаны с грядущей нищетой дочерей. Однако потом думы их настроились на более прозаический лад.

— А что, если перед смертью ему увиделось будущее? — предположила Чхунни.

— Хорошо бы! Тогда б он умер в таких же муках, в каких принуждал нас жить! — заключили сестры.

Быстро облетела городок весть о том, что сестры Шакиль “выходят в свет”. Настал долгожданный вечер, и дом заполнили виртуозы-музыканты. Впервые за двадцать лет в этих пуританских стенах весело зазвучали трехструнные домры и семиструнные саранды, запищали свирели, забили барабаны; полчища булочников и кондитеров нагрянули с обозами всякой снеди — враз опустели витрины их заведений. Зато столы в шатре, поставленном во дворе, ломились от яств, зеркальные стены множили роскошь и изобилие. Все же чванство, которым с младенчества вскармливал дочерей старый Шакиль, самым пагубным образом сказалось на приглашенных. Достопочтенным гражданам К. нанесена смертельная обида: им отказали в обществе трех блистательнейших девушек города, обделили пригласительными билетами с золотым тиснением, о которых только и судачили все вокруг. Сестрам ставилось в вину и другое: они попрали правила хорошего тона еще и тем, что, отказав достойнейшим из достойных, разослали золоченые карточки в дома ангрезов — этим завсегдатаям балов! А подлинным старожилам (за редчайшим исключением) так, по сути дела, и не довелось переступить заветно-запретный порог. Зато целая толпа иностранцев, в которой преобладали военные мундиры, вечерние платья и чужеродный язык, после традиционного коктейля в гостиничном ресторане направились к дому сестер Шакиль! Ох уж эти колонизаторы! Бледнолицые сахибы и их бегум в неперменных перчатках. Нарочито громкий, вызывающий говор, ослепительно-снисходительные улыбки. И всю эту ораву поглотил зеркальный шатер.

— В тот вечер и спиртное подавали! — даже много лет спустя, вспоминая об этом, бабушка Чхунни радостно-изумленно всплескивала руками.

Но в определенный момент воспоминания вдруг обрывались, и никто из старушек не брался объяснить толком этот коллективный провал в памяти. Не берусь объяснить и я череду невероятных слухов, потянувшуюся после того памятного вечера во мрачном чреве прошлого.

Одни, например, утверждают, что гости из местных — богатеи-заминдары с женами, чьи капиталы, впрочем, не шли ни в какое сравнение с былыми миллионами Шакиля, — стояли весь вечер тесной злобной кучкой, уставясь на резвящихся сахибов-ангрезов. По другим свидетельствам выходит, что вышеупомянутые господа из местных убрались восвояси, не пробыв и пяти минут, так сказать, не преломив хлеба с хозяйками, бросив их на произвол властелинов-колонизаторов. А можно ли верить слухам, дескать, сестры, точно на торжественном параде, обходили господ офицеров (причем девичьи глаза прямо-таки сверкали от избытка сурьмы и чувств) и молча оглядывали каждого: достает ли лоска усам, мужества — крутым подбородкам? А затем (опять же согласно легенде) три сестры разом хлопнули в ладоши и заказали музыкантам европейские танцы: менуэты, вальсы, фокстроты, польки, гавоты. И воистину демоническая сила исходила от инструментов не жалевших себя музыкантов.

Танцевали, если верить молве, всю ночь напролет. Разумеется, и одного этого пиршества хватило бы, чтобы обвинить новоявленных сироток во всех смертных грехах, но самое страшное ждало впереди. Кончился праздник, разъехались музыканты, бездомные собаки сожрали горы объедков и нетронутых блюд — та же высокородная спесь не позволила нашим героиням отдать беднякам пищу, предназначавшуюся для избранных. И пополз по городским базарам слухок: мол,

в ту разудалую ночь одна из задавак-сестер что-то потеряла и что-то очень скоро обретет — прибавление в семействе, так сказать.

О, какой стыд! Стыд и срам!

Впрочем, если сестры Шакиль и страдали от бесчестья, то не подавали виду. Они отправили одну из оставшихся служанок — Хашмат-биби — в город. Там она передала кое-какие поручения искуснейшему ремесленнику, некоему Якубу-белуджу, а еще купила самый большой замок, который отыскался в скобяной лавке. Замок этот был столь велик, что пришлось нанимать мула. Погонщик полюбопытствовал:

— А что твоим господам запирасть-то? Их уж и так подчистую обобрали.

Верная Хашмат свирепо свела к переносице глаза и ответила так:

— Чтоб ты сам нищим подох! Чтоб внуки твои ссали на твою могилу!

В старой карге удивительно сочетались олимпийское спокойствие и неумная свирепость. Якуб — мастер на все руки — как зачарованный беспрекословно исполнял все ее приказы. Она велела соорудить со стороны улицы необычайный лифт, подъемник без дверей, наподобие тех, в которых доставляют из кухни в ресторан готовые блюда — только просторнее, чтоб вмещал трех человек. На нем с помощью рычагов, тросов и моторов любой груз можно было поднять на верхний этаж. Причем Хашмат-биби особо указала, что управляться лифт должен из дома, да так, чтобы обитательницам не то что из окна высовываться, пальчика своего улице не показывать. Предусмотрела она и меры безопасности.

— Здесь поставь пружину. Чтоб в доме нажали, а днище б откинулось. А вот здесь, здесь и здесь запрячь в стенки кинжалы подлиннее да поострее — тоже на пружинах. Кнопку на-

жмешь, а они — раз! — и выскочат. Тогда уж к моим хозяйкам никто без спроса не сунется!

Много еще ужасных секретов тайл подъемник. Сам Якуб так ни разу и не лицезрел сестер. Закончил он работу, а вскоре умер в придорожной канаве, корчась от боли и держа за живот. И опять попеняла сестрам молва: отравили умельца бесстыжие бабы, чтоб не сболтнул чего о своей последней столь загадочной поделке. Впрочем, справедливости ради отметим, что медицинское заключение никоим образом не подтвердило слухи. Якуба-белуджа, оказывается, уже долго донимали время от времени боли справа внизу живота, и умер он, очевидно, самым естественным образом: от банального, хотя и рокового перитонита или от чего-то подобного, но отнюдь не от злых козней мнимых отравительниц.

В один прекрасный день трое из оставшихся в доме слуг мужчин наглухо затворили массивные с медной окантовкой двери. В последний раз перед кучкой зевак мигнул тусклым металлом огромный замок на тележке в сумрачном чреве дома, ознаменовав начало более чем полувекового затворничества сестер. Закрылись двери, заскрежетал ключ в замке, и удивительное отшельничество обитателей дома началось.

Не напрасно ходила в город Хашмат-биби: она оставила в запечатанных конвертах подробнейшие указания местным торговцам и ремесленникам. И с той поры по установленным дням и часам к последнему детищу Якуба приходили: доверенная прачка, портной, сапожник, избранные торговцы мясом, фруктами, галантереей, цветами, почтовыми товарами, овощами, книгами, безобидными напитками, зарубежными журналами, газетами, мазями, духами, сурьмой, полосками эвкалиптовой коры — чистить зубы; приносили пряности, крахмал, мыло, кухонную утварь, рамы для картин, игральные карты, струны. Торговцы подавали услов-

ленный свист, лифт, шурша, опускался, в нем лежала записка с заказом. Таким образом сестры Шакиль полностью устранились от мира, по доброй воле вернувшись к затворничеству, конец которого они едва успели отпраздновать после кончины отца. Но обставили они все и на этот раз с таким чванством, что и само затворничество воспринималось как новая прихоть их безудержной гордыни, а отнюдь не как раскаяние в собственном жестокосердии.

И тут — пикантный вопрос: а как сестры расплачивались с торговцами?

Мои героини стыдливо потупятся, а я хоть отчасти воздам читателям за многие и многие неотвеченные вопросы и приоткрою тайну, докажу, что в самых крайних случаях автор все-таки в состоянии дать вразумительный ответ: последний запечатанный конверт Хашмат-биби оставила на пороге наименее почитаемого в городе заведения. Там чтят не Коран, а векселя, там полки ломаются от неисчислимых полуистлевших реликвий... Ах, пропади пропадом это заведение. Короче и честнее говоря, Хашмат-биби навестила ростовщика. Был он неопределенного возраста, худой как щепка, смотрел невинно широко распахнутыми глазами. Звали его Пройдоха, и вскорости он тоже объявился у подъемника (как и предписывалось) под покровом ночи, чтобы оценить все, находящееся в доме, и незамедлительно выдать наличными сумму в 18,5 % от продажной стоимости заложенных вещей без права их выкупа. Так три матушки грядущего Омар-Хайама воспользовались прошлым (единственным своим достоянием), чтобы обеспечить будущее.

Так кто же из троих ждал ребенка?

Может, старшая, Чхунни? Средненькая — Муни? Или младшая (сущее дитя, можно сказать) — Бунни? Никто так этого и не узнал, даже когда ребенок появился на свет. Сестры держались единым фронтом, во всем до мелочей повторяя

друг друга. А слуг они заставили — даже в голове не укладывается — присягнуть на Коране! Те, кто разделял с сестрами добровольное заточение, покидали дом разве что ногами вперед, завернутые в белое и, разумеется, с помощью все того же механизма Якуба-белуджа. За девять месяцев ни разу не вызывали доктора. Все же сестры понимали, что с каждым днем их тайна все больше и больше норовит упорхнуть в окно, или просочиться под дверь, или уползти в замочную скважину — то есть стать достоянием всех и вся. И они дружно препятствовали этому, втроем выказывая все признаки беременности — одна, так сказать, поневоле, двое других — искусно притворяясь.

Старшую и младшую сестру разделяли пять лет. Но одевались все трое совершенно одинаково. И видимо, из-за долгой совместной затворнической жизни они стали совсем неотличимы одна от другой. Порой их даже слуги путали. Поначалу я назвал их красавицами, хотя ни столь любимых здешних поэтами “ликов, подобных луне”, ни “глаз — что миндаль” у них и в помине не было. Волевые подбородки, коренастые фигуры, твердая поступь — все это сочеталось с невероятно притягательным обаянием. И вот все трое одновременно начали раздаваться в бедрах, у них стали наливаться груди. Случись, затошнит одну, остальных тут же выворачивало наизнанку, причем их сердобольные позывы совпадали с точностью до секунды, так что не определить, у кого раньше разыгралось в желудке. Одновременно росли и животы, обозначая скорое разрешение. Очевидно, достигалось это механическими средствами — подкладками и подушками, солями, вызывающими обморок или рвоту. Но такое прозаическое объяснение (для меня вполне убедительное) выхолостило бы суть — взаимную любовь сестер. Все трое так жаждали материнства, так хотели обратить позор внебрачной связи в безоговорочное торжество

исполненного желания, что, ей-богу, вопреки всем законам природы, беременности настоящей могли сопутствовать две ложные, а до мелочей одинаковое поведение объясняется тем, что сестры жили, думали, чувствовали как единый организм.

Спали они в одной комнате. Пристрастия у них были одни и те же: к марципанам, жасмину, орехам, косметическим маскам — и возникали одновременно. Прочие запросы их организмов тоже совпадали. Весили они одинаково, уставали одновременно, просыпались минута в минуту — будто кто по утрам звонил в колокольчик. Даже схватки у всей троицы были одинаковы, три чрева готовились исторгнуть одного младенца. Три тела корчились и извивались в такт, словно в хорошо отрепетированном действе. Возьму на себя смелость утверждать, что и роды были мучительны для всех троих. Каждая выстрадала право называться матерью. Появился на свет малыш, и уж не определить, у кого из матерей отошли воды, чья рука заперла изнутри дверь спальни — нет, имя роженицы мне определенно не угадать. Ни один человек не присутствовал при родах, как истинных, так и фиктивных. Никто не видел, как лопнули надувные шары у двух сестер, а у третьей меж бедер показалась головка совершенно незаконного ребенка. Не узнать, чья рука подняла Омар-Хайама за ножки и шлепнула по попе.

Итак, наш герой издал первый крик в стенах огромного особняка, в котором и комнат не счесть, открыл глаза, и его перевернутому взору предстало распахнутое окно, за ним — на горизонте — зловещие вершины Немыслимых гор. Но все же которая из матерей подхватила его и шлепком понудила к первому вздоху? Не спуская глаз с опрокинутых гор, младенец заорал.

Хашмат-биби услышала, как отперли дверь спальни, осторожно и робко вошла — принесла поесть и попить, свежие

простыни, губки, мыло, полотенца. На необъятной постели, где некогда скончался хозяин дома, сидели три сестры. Кровать являла собой огромный помост красного дерева о четырех резных столбцах, по которым змеи-искусители подбирались к райским кушам, вытканным по парчовому балдахину. Сестры светились радостью и смущением, как, собственно, и подобает молодым матерям, и по очереди кормили малыша грудью. Соски у каждой были влажны!

Исподволь крохе Омар-Хайаму внушалось, что его появлению на свет сопутствовали некоторые, так сказать, отступления от принятых норм. О тех, что предварили его рождение, уже достаточно сказано, о последующих речь ниже.

Исполнилось Омар-Хайаму семь лет, и старшая мама, Чхунни, призналась:

— Я наотрез отказалась благословлять тебя именем Божиим.

Миновал год, и настал черед средней мамы — Муни:

— Я так и не позволила обрить тебя. Ты родился с чудесными черными-пречерными волосами. Разве я могла допустить, чтобы их сбрили? Ни за что!

А на девятый день рождения младшенькая мама сурово поджала губы и изрекла:

— Ни за что на свете не разрешила бы делать тебе обрезание. Что еще за фокусы! Это ведь не банан очистить.

Так и вступил в жизнь Омар-Хайам без положенного обрезания, бритья головы и благословения. “Разве это полноценный человек!” — воскликнут многие.

Родился он на смертном одре деда, испросившего себе для вечного поселения задворки ада, а его мятежный дух обосновался меж шторами и москитной сеткой. Первое, что явилось младенческому взору, — опрокинутые горы. И представление о перевернутом мире сызмальства не покидало Омар-Хайама: все-то на белом свете вверх тормашками. Или того хуже: ему казалось, что он живет на самом

краешке мироздания и вот-вот упадет. Сидя за старым телескопом у окна на верхнем этаже, он разглядывал пустынные окрестности и все больше проникался мыслью: живет он на самом краю света, и за Немыслимыми горами на горизонте — великое Ничто, этакая бездонная пропасть, куда он неизменно падал в кошмарных снах. Тревожила в этих снах какая-то предопределенность, мол, летишь в тартарары — и поделом, так тебе и надо... Он просыпался весь в поту и видел над собой все ту же москитную сетку. Порой он даже вскрикивал от безысходности, ведь сны без обиняков говорили о его никчемности. Малоутешительное откровение.

Именно в этом, не очень-то еще сознательном возрасте и решил Омар-Хайам (причем решил — как отрезал, на всю жизнь!) побольше бодрствовать и поменьше спать по ночам. Неустанная борьба эта привела его в конце жизни, когда жена его превратилась в... нет, нет, не следует забегать вперед, пусть в рассказе все идет своим чередом: за началом — середина, за серединой — конец. И не указ нам новомодные научные опыты, из которых выводят, что в определенных замкнутых системах под высоким давлением время может повернуть вспять и следствия с причинами поменяются местами. Пусть. Нам, рассказчикам, не след к этому заманчивому приему прибегать, чтоб разум не померкнул!¹ Так вот, возвращаясь к сути: Омар-Хайам приучил себя довольствоваться легкой, непродолжительной (минут сорок) дремотой, этого хватало, чтобы восполнить к утру запас сил. Возможно ль, чтоб в голове ребенка родилась мудрая мысль: уж лучше зыбкая, как сон, явь, чем пугающе-правдоподобные сны? Матушки, узнав о его ночных скитаниях по бесконечным комнатам, смиренно вздохнули и прозвали его Летучим Мышонком. Холодными зимними ночами Омар-Хайам об-

1 Обрывок фразы короля Лира: "Нет, замолчи, чтоб разум не померкнул". У. Шекспир. *"Король Лир"*. III, 4, пер. А.В. Дружинина. (*Здесь и далее прим. перев.*)

лачался в широкую темную накидку с капюшоном, и решай сам, читатель, на кого он больше походил: то ли на Летучего Голландца, то ли на Могучего Мышонка.

(Надо сказать, что жена его — Суфия Зинобия, старшая дочь генерала Резы Хайдара, тоже не спала по ночам. Но если Омар-Хайам приучил себя бодрствовать, то бедняжка Суфия Зинобия мучилась, закрывала глаза, отчаянно терла веки, тщетно пытаясь избавиться от бессонницы, словно от соринки или от непрошеной слезы. А каким пламенем горела она в той самой комнате, где впервые открыл глаза ее суженый и где навеки закрыл свои его дед, подле знаменитого ложа со змеями-искусителями и райскими кущами... ах, это проказливое будущее опять встречается! Мне остается ниспослать на него самые страшные кары, а сцену смерти отправить до поры за кулисы.)

Годам к десяти Омар-Хайам проникся благодарностью к защитницам-горам на горизонте. Они укрывали и с севера, и с юга. Немыслимые горы! Этого названия не найти в самых подробных атласах. Видно, и географам не объять необъятного. Мальчик пристрастился к чудесному, блестящему медью телескопу. Он откопал его в жутких дебрях домашнего хлама. И, разглядывая звезды на Млечном Пути, Омар-Хайам отчетливо понимал, что ни одно тамошнее существо, будь то живой песок или газовое облако, ни за что не отыскало бы своей родной планеты по названиям в затертых Омар-хайамовых звездных картах.

— Это наши горы, — говаривал он, — и назвали мы их так неспроста.

Порой на улицах города появлялись и сами горцы, узкоглазые, словно выточенные из камня. (Не столь твердокаменные горожане, завидев их, спешили перейти на другую сторону, дабы избежать нестерпимой вони и бесцеремонного обращения.) Обитатели Немыслимых называли их “Кры-

шей рая”. Нередко весь горный кряж, а с ним и городок сотрясались от подземных толчков — сейсмически неблагоприятный район! — и горцы свято верили, что это ангелы прорываются наружу. Много лет спустя младший брат нашего героя и впрямь увидит крылатого человека в золотом сиянии, смотрящего с крыши, а пока маленький Омар-Хайам самостоятельно вывел и развил любопытную гипотезу: рай находится не на небе, а внизу, прямо под ногами. Неспроста ангелы колышат твердь, выбирают на свет божий — видеть, не безразлична им мирская суета. И под напором ангелов горный кряж то и дело менял очертания. Порой из ярко-желтых склонов вдруг выширало множество столбов, столь совершенных по форме и богатству геологических слоев на срезе, будто их вытесывали великаны-богатыри в земных недрах. Но вновь появлялись ангелы, и чудесные сказочные башни обращались во прах.

Итак, Ад наверху, Рай — внизу. Я не случайно так подробно описываю теорию Омара окраинного бытия, своеобразную, но зыбкую, как песок: хочется выделить, что вырос он меж двух извечных стихий Добра и Зла, и его недолгий жизненный опыт подсказывал, что силы эти, так сказать, помещались местами. Оттого-то все в мире и представлялось перевернутым с ног на голову. Последствия такой убежденности оказались разрушительнее любого землетрясения, да только их не измерить — не придуман еще сейсмограф души. Итак, лишенный обрезания, обривания и благословения, Омар-Хайам чувствовал себя обделенным и неприкаянным.

Рассказ увел меня далеко от дома, прямо под палящее солнце, и, пока его не хватил тепловой удар или не поглотил коварный мираж, спрячу его подальше... Много-много лет спустя, уже на закате жизни Омар-Хайама (будущее, как вода сквозь песок, так и норовит просочиться в прошлое), имя моего героя замелькало во всех газетах в связи с нашумев-

шими убийствами — убитых находили непременно с оторванной головой! Тогда-то дочка таможенного чиновника Фарах Родригеш и вытащила из кладовой памяти случай, который произошел с Омар-Хайамом в отрочестве. Уже в ту пору он был неопрятным толстуном — на рубашке (на уровне пупка) недоставало пуговицы. И однажды он сопровождал тогда еще юную Фарах на пограничный пост милях в сорока к западу от города. Рассказывала Фарах об этом в подпольном питейном заведении, обращаясь ко всем сразу, сопровождая рассказ смехом — некогда хрустально-переливчатым, теперь же — колюче-шершавым, как битое стекло (видно, сказались время и воздух пустыни).

— Вы не поверите, но я клянусь честью! — приступала она. — Не успели мы вылезти из джипа, как откуда ни возьмись облако и садится прямо на пограничную полосу, словно визы дожидается! Так Шакиль до смерти перепугался, даже сознание потерял. Голова пошла кругом, и вот он уж себя не помнит, хотя стоит на твердой земле. Необъяснимое головокружение (“стою на краю, вот-вот сорвусь”) проклятием преследовало Омар-Хайама даже в его звездный час, когда он женился на дочери Хайдара, а сам Хайдар стал президентом. Одно время Омар-Хайам водил бражную дружбу с богатым повесой Искандером Харапшой, политиком самых левацких взглядов, потом — премьер-министром, потом (уже после смерти) — чудотворящим духом. И как-то, уже изрядно под хмельком, наш герой разоткровенничался с другом:

— Ну что я за человек! Даже в собственной жизни мне главной роли не сыграть. Так меня вырастили — белый свет только в окошко показывали. А теперь вот расплачиваюсь.

— Что-то уж больно мрачно ты на жизнь смотришь, — изрек Искандер Харапша.

Растили Омар-Хайама ни много ни мало три матери, без единого отца в обозримом пространстве и времени.

Загадка, да и только! И к ней добавилась еще одна: Омар-Хайаму шел двадцатый год, когда у него родился брат — очередной плод коллективного творчества трех матушек. Как и в первый раз, все было разыграно словно по нотам. Но задолго до этого не меньшей занозой разбередила душу Омара первая любовь. Неуклюже переваливаясь, тучный юноша тенью следовал за сколь желанной, столь и недоступной некоей Фарах Заратуштрой. Ухаживать за ней пытались едва ли не все окрестные парни, но только один Омар-Хайам, живший словно в коконе, не знал, не ведал, что бывлые воздыхатели рассудили так: “За Фарах увяжешься — в дураках окажешься”, и называли ее “Конец света”.

Подведем итоги: страдает обмороками и неприкаянностью; увлечен девушкой и звездами; мучается от кошмарных снов и ожирения. Ну разве это герой?

